

КЛАССИКИ СОЦИОЛОГИИ

Николай Александрович Головин

доктор социологических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: n.golovin@spbu.ru

Марина Васильевна Ломоносова

кандидат социологических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nm.lomonosova@spbu.ru; lomonosovamv@mail.ru

Немецкое издание «Социологии революции» Питирима Сорокина и ее оценка германским социологическим сообществом

УДК: 316.25

DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-44-57

Отклики германского социологического сообщества на немецкое издание книги П.А. Сорокина «Социология революции» (1928) представляют собой заметное, но не изученное событие в истории социологии. Впервые эта книга получила критическую оценку в Германии в рецензии кельнского социолога Ханны Мойтер (1889–1964) на американское издание

(1925). Когда в 1928 г. вышло в свет немецкое издание, содержащее авторское предисловие-обращение П.А. Сорокина к германскому читателю, в немецком социологическом сообществе состоялась заинтересованная профессиональная дискуссия о методологии исследования революций. В статье рассмотрены три подробные журнальные рецензии на издание, подготовленные социологами веберовской методологической ориентации — Н.Н. Бубновым, А. Мойзелем, Е. Дженни, в которых высказаны критические замечания, имеющие теоретико-методологическое значение. Приводится не только общая оценка вклада П.А. Сорокина в становление социологии революции как научного направления, но и обсуждаются особенности каждой из рецензий, углубляющих анализ теоретических основ книги. Доказано, что критические замечания немецких рецензентов учтены во втором, дополненном издании книги П.А. Сорокина «Листки из русского дневника» (1950). Приведены аргументы, подтверждающие, что немецкая критика методологии «Социологии революции» стала фактором, ускорившим отход П.А. Сорокина от коллективной рефлексологии В.М. Бехтерева в его дальнейших исследованиях динамики общества. Анализируются историко-биографические данные, подтверждающие признание П.А. Сорокина в немецком социологическом сообществе как теоретика.

Ключевые слова: социология революции, история социологии, методология социологии, немецкая социология, П.А. Сорокин, Х. Мойгер, Ф.А. Степун, Н.Н. Бубнов, А. Мойзель, Э. Дженни.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00451. Авторы признательны руководителю Архива социальных наук в г. Констанц, Германия, д-ру Йохену Дрееру (Sozialwissenschaftliches Archiv Konstanz / Social Science Archive Konstanz, BRD, Dr. Jochen Dreher), ЦИГЕ СПбГУ и Университета Билефельда, грант № 1 от 05.02.2021, за помощь в сборе историко-социологического материала.

Вводные замечания

Книга «Социология революции» вышла в свет в 1925 г. на английском языке в США и практически сразу была переведена на японский (1926), немецкий (1928) и латышский (1929) языки. Она регулярно переиздается на языке оригинала, а с 2005 г. — на русском. Питирим Сорокин был весьма заинтересован в немецком издании и снабдил его проникновенным предисловием, а переводчик и издатель — майор в отставке д-р Х. Касполь в своем подробном введении представил немецкому читателю автора книги как социолога, пережившего Русскую революцию 1917 г. и исследующего ее как социальный феномен, и одновременно как антибольшевистского политика [Kasspohl, 1928]. В те годы немецкое социологическое сообщество активно участвовало в международных процессах институционализации социологии, опережая многие национальные социологические школы. Поэтому профессиональные оценки немецких специалистов для П.А. Сорокина, который стоял у истоков институционализации социологии в России и внес существенный вклад в формирование основ общей социологии, были весьма значимы.

Обращаясь к немецкому читателю, П.А. Сорокин определил место своего исследования среди крупнейших описаний и осмыслений революций в разных уголках цивилизованного мира, начиная с Древнего Востока и заканчивая Русской революцией 1917 г. В «Предисловии к немецкому изданию» (далее — «Предисловие») он предупредил читателя о том, что не планирует вести дискуссию о революции, а намерен ограничиться анализом ее фактического хода и его результатов с использованием эмпирических данных. «Предисловие» отличается от таковых к запланированному, но так и не вышедшему русскому (1923) и к американскому (1925) изданиям тем, что содержит не только благодарность всем, кто оказал помощь изгнанникам и беженцам из России, и всем, кто помог выходу книги в свет, но и оценку значения книги в истории социальной мысли. Такое послание не только обращает внимание читателя на высокую самооценку П.А. Сорокиным своей монографии, но и позволяет рассмотреть ее немецкое издание в контексте национальных социологических школ в качестве актуального предмета историко-социологического исследования.

Завершая вводные замечания, стоит отметить важную методологическую особенность историко-социологических исследований. Принцип историзма, лежащий в основе таких поисков, обязывает изучать явления и события во всей их полноте с конкретизацией наиболее значимых вех исторической динамики, учитывающей как объективные условия общества и государства, так и факторы субъективные, связанные с особенностями жизненного пути конкретных участников изучаемых исторических событий. В рамках настоящего исследования, кроме теоретических дискуссий, связанных с выходом немецкого издания книги П.А. Сорокина «Социология революции», внимание обращено на биографические, архивные и библиографические данные, а также на исторический, идеологический и политический контекст. Функционирование науки немыслимо без интенсивной профессиональной коммуникации, осуществляемой посредством публикаций, жанровое разнообразие которых представлено как фундаментальными научными монографиями и журнальными статьями, отчетами о результатах исследований, так и критическими откликами, рецензиями, публицистическими статьями и эссе. При этом именно рецензии (научные и публицистические), будучи вторичными по отношению к научному исследованию, результаты которого зафиксированы в статье или монографии, не только обеспечивают научную коммуникацию, но и позволяют представить аналитико-обобщенное изложение рецензируемой научной монографии с опорой на методологические основания, зачастую отличные от оснований, на которые опирался ученый в своем исследовании. Характерно, что «для рецензий основным прагматическим фактором служит как положительная, так и отрицательная оценка. Отрицательная оценка — “мостик” от чужого мнения к обоснованию собственного» [Гришечкина, 2002, с. 13]. Таким образом, рецензент как посредник между автором рецензируемого научного текста и аудиторией с неизбежностью расширяет поле будущего научного поиска, приобщая к результатам научного творчества исследователя собственные знания и ценности. Рецензии на немецкое издание книги П.А. Сорокина «Социология революции» отражают не только историко-научные аспекты развития социологической мысли, но и в силу специфики темы, биографий автора и его рецензентов содержат отклик на социально-политические процессы в Германии и мире. В XX в. на книги Питирима Сорокина было написано множество рецензий на разных языках и во многих странах, но рецензии, связанные

с выходом в свет немецкого издания «Социологии революции», еще не попадали в фокус внимания исследователей.

«Социология революции» в немецкой журнальной дискуссии

К первым откликам на «Социологию революции» в Германии относятся рецензия кельнского социолога Ханны Мойтер (1889–1964) и оценка философа и социолога эмигранта из России Федора Августовича Степуна (1884–1965). В 1925 г. в «Кельнском ежеквартальнике социологии» Х. Мойтер поместила рецензию на американское издание «Социологии революции» (1925), в которой показала внутренние противоречия бихевиористских утверждений автора, которые пока никак не затрагивают специфику немецкой теоретической социологии.

Иное дело — оценка (не рецензия) книги «Социология революции» Ф.А. Степуном, который, как отмечает историк Ю.В. Дойков, в эмиграции стал «соперником» Сорокина по «историософии русской революции». Ф.А. Степун в четвертой части своей работы «Религиозный смысл революции» (1929) высказал по поводу исследования П.А. Сорокина следующее: «В своей научно очень не солидной, но публицистически очень страстной “Социологии революции” Питирим Сорокин, собрав большой материал, безусловно доказал не требовавшую доказательств истину, что все революции роковым образом описывают один и тот же порочный круг: разрушают в процессе своего развития те принципы, во имя которых начинают свой путь» [Степун, 2000, с. 388]. С высказыванием Ф.А. Степуна можно отчасти согласиться, но все-таки нужно отдать должное и П.А. Сорокину, убедительно доказавшему правомерность выделения в любой революции трех стадий, тем более что целью его исследования было не доказательство этого положения, а изучение причин революции и ее основных процессуальных характеристик. Словно полемизируя с П.А. Сорокиным (а на самом деле с философом Ф. Шлегелем), Ф.А. Степун возражает против уподобления революции природным событиям (эпидемиям и землетрясениям), которыми невозможно управлять. Он обращает внимание на метафизический смысл революционных потрясений, полагая, что революция, вызывая как положительные, так и отрицательные последствия, не может «не иметь смысла» [Там же, с. 379]. Он противопоставил веберовский метод типологического описания дедукции и обобщению, пришедшим в социологию из естественных наук. Веберянцу «совершенно не необходимо сопоставление всех революций в целях выделения в понятие революции всем им одинаково присущих черт. Структура революции вполне выяснима на примере всякой классической революции <...> мое понятие революции не абстракция, а типологическая конструкция» [Там же, 2000, с. 377–378]; ср. [Сорокин, 2010, с. 76–89].

Конечно, статья Ф.А. Степуна «Религиозный смысл революции», опубликованная в литературном журнале русской эмиграции «Современные записки»¹ (Париж) на русском языке, была малодоступна немецким интеллектуалам, но зато она точно передала важнейшую методологическую ориентацию немецкой социологии тех лет, тем самым обозначив основное направление критики подхода П.А. Сорокина

¹ «Современные записки» — один из наиболее известных общественно-политических и литературных журналов русской эмиграции, выходивший в 1920–1940 гг. в Париже.

к изучению революции. Ф.А. Степун, в отличие от П.А. Сорокина, выделяет ключевую взаимосвязь революции в России и Германии с Великой войной. Об этом пойдет речь ниже. Именно он своеобразно задал тон дальнейшему обсуждению книги с учетом метода веберовской исторической социологии. В дальнейшем немецкие рецензенты «Социологии революции» опирались в своих оценках и анализе преимущественно на следующие основания: 1) личный опыт участия в революционных процессах и его сопоставимость с таковым П.А. Сорокина; 2) веберовские методологические ориентации.

Николай Николаевич Бубнов (нем. Nicolai von Bubnoff; 1880–1962) — русский философ, славист, окончивший в 1913 г. Санкт-Петербургский университет², а затем, как и Ф.А. Степун, учившийся в Гейдельбергском университете. Как и многие молодые русские ученые, после революции оставшиеся в Европе, он был вынужден поменять свои жизненные планы. Несмотря на то что Н.Н. Бубнов стоял в России у истоков журнала «Логос», связанного с популяризацией идей немецкой философии и социологии, он получил признание не как русский специалист по немецкой философии и социальной мысли, а как ученый, внесший заметный вклад в развитие социальных наук в Германии. С 1932 г. Н.Н. Бубнов — профессор Гейдельбергского университета, в котором он возглавил основанный им Славянский институт.

Н.Н. Бубнов — знаток истории русской социальной мысли, предпринявший в 1923–1925 гг. вместе с немецким теологом Гансом Эренбергом (нем. Hans Ehrenberg, 1883–1958) издание двухтомного сборника «Восточное христианство»³, внимательно следил за творчеством российских эмигрантов — ученых-гуманитариев. Он заинтересовался сочинением П.А. Сорокина «Социология революции» с точки зрения метода, итогов исследования и эвристического потенциала работы. В своей рецензии Н.Н. Бубнов не упоминает о том, что с автором «Социологии революции» был знаком лично, а ссылается на сведения из «Введения к немецкому изданию» Х. Касполя, помещенного под обложкой книги. Он реферировал структурные части книги, высказывает критические оценки и вслед за П.А. Сорокиным фиксирует различия социологического и исторического подхода к революции: целью сочинения является определение «закономерных сущностных черт любой революции», ее «архетипа» (Uhrbild) [Bubnov, 1928, S. 378].

Н.Н. Бубнов касается понятия человека и подчеркивает «базовую идею» сочинения о том, что «человек прежде всего и по сути не должен рассматриваться как рациональное существо, а скорее как носитель врожденных инстинктов, на основе которых влечения и привычки в результате культурного процесса постепенно превращались в коллективные». Правда, П.А. Сорокин ссылается при этом на В. Парето и его сложную концепцию взаимосвязи влечений, интересов и идеологий, известную ему еще со студенческих лет, но рецензент не замечает этой непосредственной связи с теорией идеологии Парето [Ibid., S. 388]. Такая связь действительно малозаметна по рецензируемой книге, но она есть. Ср.: «Наличие сознания и мышления у человека делает неизбежным для него “вуалирование” безусловных рефлексов множеством условных, особенно речевых», — утверждает П.А. Сорокин со ссылкой на

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 35025: Бубнов Николай Николаевич.

³ Östliches Christentum. Dokumente / Hrsg. von H. Ehrenberg, N. Bubnoff. 2 Bde. München, 1923–1925.

В. Парето [Сорокин, 2010, с. 287]. Нарушение баланса врожденных (безусловных) и приобретенных (условных) рефлексов в период революции негативно влияет на социальное поведение, отмечает Н.Н. Бубнов вслед за П.А. Сорокиным [Bubnov, 1928, S. 388–389].

Нарушение баланса поведенческих факторов проявляется во всех социальных стратах: внезапное разрушение или ослабление множества условных привычек, сдерживающих базовые инстинкты, угрожает жизни общества, приводит «к одичанию масс», — отмечает Н.Н. Бубнов, реферируя концепцию революции П.А. Сорокина. Он одобрительно отзывается об анализе изменений в социальных агрегатах (группах) в случае революционной дестабилизации общества. «Механизм профессионального отбора совершенно не действует, важна не квалификация, а революционный пыл», — излагает он суждения П.А. Сорокина и констатирует, что революционная анархия быстро сменяется деспотией новой власти, грубо попирающей права и свободы граждан [Ibid., S. 389]. Таким образом, причина революции — «подавление важнейших инстинктов большинства населения (инстинкты питания, собственности, индивидуального и коллективного самосохранения), а также паралич правящего класса, в результате его вырождения» [Ibid., S. 389–390].

Из рецензии Н.Н. Бубнова следует, что, несмотря на заявление П.А. Сорокина в «Предисловии» об отказе от теоретического анализа революций, он был успешно реализован. Рецензент представил читателю авторскую теорию революции от ее глубинных причин до поведенческих проявлений и последствий. В отличие от рецензии Х. Мойтер, Н.Н. Бубнов не ставит бихевиористскую концепцию П.А. Сорокина в какую-либо связь с идеями психоанализа З. Фрейда (влиятельного в Германии). Следовательно, социология революции здесь впервые представлена как самостоятельное направление исследований, имеющее перспективы дальнейшего развития.

Н.Н. Бубнов, в отличие от Х. Мойтер, положительно оценивает эмпирическую часть книги, в отличие от Х. Мойтер, отмечая, что большинство тезисов П.А. Сорокина невозможно оспорить по существу, причем обилие доказательного материала иногда даже представляется излишним. «Негативная оценка революции, вытекающая из данной характеристики, резкие пренебрежительные замечания о ней, рассыпанные тут и там, казалось бы, могут поставить под сомнение научную объективность автора, заподозрить его в субъективной предвзятости и тенденциозной односторонности, коренящейся в недовольстве (Ressentiment)», — считает Н.Н. Бубнов и, возвращаясь к методологической проблематике, отмечает: «Не в обиду будет сказано, но следует учесть, что исследования социолога направлены не, как у естествоиспытателя, на бесценностную реальность, а в основном на общество как носителя культурных ценностей» [Ibid., S. 390]. Н.Н. Бубнов своим замечанием подтверждает критику бихевиористской методологии П.А. Сорокина, ранее высказанную историком и социологом Н.И. Кареевым в тезисе о самостоятельности культуры как уровня детерминации поведенческих феноменов, и в продолжение своей аргументации добавляет: «Критическое замечание здесь неизбежно. Если признать в революции кризис в развитии общественного организма, неминуемый при определенных условиях, то можно лишь жалеть о том, что это случилось не в интересах свободного непрерывного развития культуры, но нельзя осуждать ее столь безусловно, как это сделано в данной книге» [Ibid., S. 390].

Взгляд Н.Н. Бубнова на социальную динамику общества близок к методологической позиции Ф.А. Степуна, а смотря глубже, и к исторической социологии

М. Вебера: Россия и Германия пусть медленно, но неуклонно шли к представительным формам публичной власти, но этому помешала Первая мировая война и революционные потрясения, способствующие реализации совершенно иной исторической альтернативы. В связи с этим отметим, что П.А. Сорокин тоже считал, что после отмены крепостного права в России в 1861 г. стало активно развиваться местное самоуправление (земские собрания и земские управы), но не выделял причинную взаимосвязь войны и революции, оборвавших демократическое развитие страны (что в XXI в. общепризнано). В «Социологии революции» он настаивает на внезапном изменении массового поведения в результате ущемления потребностей и инстинктов войной и революцией как самостоятельными факторами. За этим расхождением автора и рецензента стоят разные научные картины реальности: веберовская (рецензент) и сорокинская, восходящая к В. Парето⁴ и к В.М. Бехтереву.

В конце своей рецензии Н.Н. Бубнов приходит к заключению о том, что П.А. Сорокину удалось отделить научное исследование революции от ее поверхностных интерпретаций, как и было заявлено в «Предисловии» [*Sorokin*, 1928, S. 7].

По существу с выводом Н.Н. Бубнова согласен известный историк и социолог Альфред Мойзель (1896–1960), поместивший весьма критичную рецензию на «Социологию революции» в «Архиве социальных наук и социальной политики», сооснователем которого был М. Вебер. Рецензент делит рассматриваемое сочинение на две части. Первая соответствует «отвратительно оформленной обложке» (очерки 1 и 2); вторая (очерки 3–5) — названию книги. Квинтэссенция первой части в том, что революция — средоточие зла. «Нет такого преступления, которое не совершается в революции, нет такого порока, который не развивается в ней сполна; она проторяет путь “биологизации” социального общежития, провалу общества в давно преодоленное животное состояние», — констатирует рецензент [*Meusel*, 1928, S. 206]. Интересны его дальнейшие структурные и методологические замечания.

Во-первых, причины революции (наиболее научная часть сочинения) рассмотрены лишь в конце. Поэтому «первая часть книги напоминает древние хроники; мы узнаем лишь о жутких злодеяниях, и вопрошаем, как такое возможно на белом свете, так как не ведаем о том, почему это случилось именно так», — заключает Мойзель по правилам веберовской исторической социологии (как реальность стала именно такой, а не иной?) [*Ibid.*, S. 206–207].

Во-вторых, рецензент после анализа эмпирического материала книги отмечает: «Его понятие революции в своей основе не социологическое, а биологическое и психологическое (потребности). Отождествление революции с беспределом, а реакции с принуждением <...> позволяет автору распределять свет и тени по своему усмотрению, — отмечает Мойзель и возражает: — Если бы он действительно исхо-

⁴ В письме 1934 г. П.А. Сорокина Р. Мертону сообщается: «У Парето, несмотря на все его заблуждения, среди немногих правильных положений, есть такая схема, которую он особо подчеркивает: А есть причина В / В есть причина А. Тогда на самом деле причина заключается в следующем: А и В являются функциями какой-то третьей, более глубокой и общей причины», — поясняет П.А. Сорокин адресату и заявляет, что сам руководствуется такой логической схемой [*Сорокин*, 2013, с. 148]. Достаточно подставить в схему войну, революцию, а в качестве более глубокой и общей причины — важнейшие инстинкты, чтобы убедиться в методологическом использовании П.А. Сорокиным концепции В. Парето и коллективной рефлексологии.

дил из социологического понятия “реакции” как совокупности стремлений восстановить прежнее состояние общества, то, безусловно, обнаружил бы, что некоторые важные эпохи, которые он относит к “реакции”: правление Кромвеля и диктатура Робеспьера, на самом деле относятся к “революции” именно в том смысле, который по существу отличается от употребляемого им. Но тогда он не смог бы настаивать на том, что освобождение всех инстинктов — характерная черта именно революционных эпох» [*Ibid.*, S. 207].

А. Мойзель подкрепляет замечание фактами из современной российской истории: «Хоть немного зная социальную жизнь людей, можно смело предсказать, что после возможного падения большевиков, они, которые сегодня лишь тайком и с оглядкой на “Г.П.У.”⁵ смотрят на богатство “нэпманов”, “спекулянтов” и “спецов”, “кулаков”, совсем иначе оценили и проштамповали бы его для общественной жизни. — В по необходимости краткой критике невозможно полностью проанализировать затронутые здесь явления и показать присущее им необходимое содержание», — заключает он [*Ibid.*, S. 207–208].

Еще одно его замечание касается «искусного приема Сорокина», который позволяет доказывать отрицательное значение революции, но недопустим для ученого, пусть и по-человечески так понятного. Прием состоит в том, чтобы как можно короче обрезать период дальнейшего исследования хода революции. Иначе стало бы очевидно, что, например, Французская революция с ее слезами и кровью в дальнейшем обеспечила значительные права и свободы, чего не замечают те, кто обращается против ее идей, кого М. Вебер назвал «литераторами», превозносящими средневековье, в котором они сами не прожили бы и дня [*Ibid.*, S. 208–209]. Интересно, что П.А. Сорокин объективно подпадает под это критическое замечание со ссылкой на М. Вебера, тем более что, по его признанию, засвидетельствованному Р. Мертоном, он «много занимался 17 в.» и был его почитателем (цит. по: [Мертон, 2013, с. 148]).

Справедливость замечаний А. Мойзеля не вызывает сомнений, поскольку они отражают экспертное заключение крупного историка и социолога, ведь П.А. Сорокин действительно был уверен в том, что революция — массовая поведенческая реакция на ущемление потребностей и рефлексов. Однако в исторической науке и в политической социологии причины революции и реакции связывают не с биологической природой человека, а с историческими обстоятельствами. Замечание А. Мойзеля об игнорировании отдаленных последствий революции весомо. Оно подчеркивает различие метода веберовской исторической социологии и методологии «Социологии революции». Складывается впечатление, что в 1950 г. П.А. Сорокин отдал должное этому замечанию во втором издании «Листков из русского дневника» с дополненной главой об успехах и провалах советской власти [*Сорокин, 2015, с. 237–257*], не говоря уже об осмыслении революции в книге «Социальная и культурная динамика» (1937–1941).

Рецензент видит «много хорошего» в анализе автором изменений в социальной структуре общества, но его удивляет «ультра-либеральная» критика «вмешательства правительства в сферу экономики» [*Meusel, 1928, S. 209–210*]. Мойзель признает «довольно большой вклад в социологию революции частей книги, примыкающих

⁵ Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР — спецслужба, орган государственной безопасности в РСФСР (1922–1923).

к типологии» [*Ibid.*, S. 209], что еще раз подтверждает его веберовскую методологию. В заключении он сожалеет о том, что П.А. Сорокин не отложил свое исследование на десяток лет, чтобы «набрать дистанцию по отношению к своему опыту» и рассмотреть итоги революции с учетом исторической динамики общества. Он резюмирует: «Социологию революции, безусловно, еще предстоит написать. Сорокин ее еще не написал, но подошел к этой цели ближе многих других» [*Ibid.*, S. 210], — вероятно, это максимально возможная положительная оценка его исследования в рамках веберовской методологии исторической социологии.

В заключение рецензент указывает более десятка немецких авторов по теме, которых П.А. Сорокину не мешало бы знать. Однако это замечание не вполне подходит для книги, в которой охвачено более 700 авторов. Из «Предисловия» следует, что автор видит свое сочинение в одном ряду с Конфуцием, Платоном, Аристотелем, Макиавелли, Гвиччардини, Лютером, Вико, Данте, Гоббсом, Контом, Ле Пле, Тэнном — мыслителями, «которые лично наблюдали революцию и непосредственно изучали революционные явления», придя к «очень похожим» выводам [*Sorokin*, 1928, S. 5]. Так ли это — отдельный историко-научный вопрос, но ссылки на десяток немецких исследований революции не помогут его решить.

Еще одним рецензентом «Социологии революции» является экономист с российскими корнями и нелегкой судьбой Эрнст Дженни (1872–1939), опубликовавший рецензию в авторитетном журнале “*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie*” («Журнал психологии народов и социологии»), издаваемом культурным антропологом и социологом Рихардом Турнвальдом (1869–1954). Жизненный опыт Э. Дженни и П.А. Сорокина в чем-то похож. Правда, П.А. Сорокин, «пробыв пять лет в лапах революции», лично не потерял в ней ничего — «ни богатств, ни социальных привилегий, ничего, кроме близких друзей» [*Sorokin*, 2010, с. 372], а Э. Дженни, сын швейцарского консула в Одессе, учившийся там, затем в Швейцарии в гимназии, в 1911 г. защитивший диссертацию по экономике, потерял в российской революции принадлежащие семье сельскохозяйственные угодья и недвижимость. Он, свободно владевший иностранными языками (русским, английским и французским), работал в Управлении военной печати Генерального штаба рейхсвера, затем, спустя долгие годы конкурентной борьбы за место, стал профессором в Гогенгеймском университете, поменяв в связи с этим швейцарское гражданство на немецкое. Он написал весьма популярные в 1920-е гг. сочинения «Достижения революции» (Берлин, 1920)⁶ и «Как Россия стала большевистской. Очерк русской революции» (Берлин, 1921)⁷. Согласно источникам, он сочетал способность «как наблюдать и действовать практически, так и продумывать вещи до конца, распознавая крупные теоретические взаимосвязи» [*Hagemann*, 1999, S. 290], что обеспечивает экспертный уровень его рецензирования труда П.А. Сорокина.

Э. Дженни образно излагает учение П.А. Сорокина о рефлексах: «Первая группа образует как бы ствол, из которого вырастают побеги второй группы — ветки и тончайшие разветвления, образуя системы первой, второй, третьей степени <...>, чем ближе к окончанию, тем они изменчивее и нестабильнее, а значит, больше подвержены влияниям. Если нарушается привычка более низкого уровня, то сразу рушат-

⁶ Оригинальное немецкое название: *Die Errungenschaften der Revolution*.

⁷ Оригинальное немецкое название: *Wie Russland bolschewistisch wurde. Ein Aufriss der russischen Revolution*.

ся и все следующие из нее привычки более высокого уровня» [Jenny, 1929, S. 78]. Он продолжает: «Любое инстинктивное действие или рефлекторная привычка — результат потребностей и социальных препятствий в их удовлетворении. В нормальном состоянии общества инстинкты в равновесии (гармония). Если равновесие нарушено, то запреты исчезают, меняется направление и сила инстинкта. Мелкие периферийные образования быстро исчезают, а древние потребности оказываются устойчивее» [Ibid.]. Э. Дженни замечает, что исследование П.А. Сорокина продолжает психологию масс Ле Бона (что бесспорно), а также учение В. Парето о связи влечений с идеологиями, включая тезис о вуалировании безусловных рефлексов условными, особенно речевыми (что не каждый рецензент может заметить) [Ibid.]; ср.: [Сорокин, 2010, с. 82].

Рецензент раскрывает логику «Социологии революции» П.А. Сорокина: внешне запанное потрясение основ общественного устройства разрушает механизмы торможения поведенческих реакций, оставляя в силе лишь самые примитивные древние инстинкты, что приводит к «асоциальным действиям вплоть до тяжких преступлений». Аналогичные явления наблюдаются на массовом уровне [Jenny, 1929, S. 78]. Затем наступает вторая фаза революции с ее «жесточайшим насилием».

Так как детство и юность Э. Дженни прошли в России, то он, рассматривая эмпирическую часть «Социологии революции», лучше других немецких рецензентов разобрался в ней. Действительно, в исследовании П.А. Сорокина большое внимание уделено российским реалиям. «Очень тонки размышления о предпосылках и возникновении революций, — пишет Дженни и продолжает: — Сорокин весьма детально рассматривает условия предреволюционной России и мудро обсуждает их» [Ibid., S. 79]. В итоге он согласен с выводом автора о том, что «революция как таковая нестабильна. Любой переворот высвобождает асоциальные влечения и рушит факторы их социального равновесия, угрожая обществу». Он также отметил пользу для немецкого читателя подробного, с использованием большого фактического материала «Введения» Х. Касполя [Ibid.]. В рецензии Э. Дженни глубже, чем в других, затронуты философско-антропологические основы социологии революции П.А. Сорокина, восходящие к В. Парето с его теорией иррационального поведения и его сложной связью с идеологией. В этом и состоит ее важнейшее значение.

Заключительные замечания

Российский теоретик и историк социологии Ю.Н. Давыдов обосновал вывод о том, что переход П.А. Сорокина от прогрессизма к циклизму в 1910–1920-е гг. представлял собой «решительный шаг на пути введения своей социологии в круг наук о культуре, уже проделанный за два десятилетия до него М. Вебером» [Давыдов, 1999, с. 116].

Перечитывая немецкое издание «Социологии революции» и рецензии на него, можно отметить, что обращение П.А. Сорокина к германским коллегам, весьма искушенным в исторической социологии и методологии социально-исторического познания, испытывающих влияние идей М. Вебера (из рассмотренных выше — кроме Х. Мойтер), повлияло на его воззрения в направлении дальнейшего пересмотра рефлексологических и бихевиористских теоретических положений. А. Мойзель

в своей рецензии, сравнивая труд П.А. Сорокина с древними хрониками, что граничило с насмешкой, определенно помог автору разобраться в недостатках бихевиористской методологии.

Более того, если издание «Социологии революции» на английском языке было прорецензировано в Германии всего лишь один раз, то на немецкое издание последовали три обстоятельные рецензии, не считая кратких журнальных заметок о выходе книги в свет. Тем самым П.А. Сорокин был признан в немецкой социологии как самостоятельный теоретик, а критика, обрушившаяся на него в рецензиях, во многом способствовала дальнейшей эволюции его теоретических воззрений.

Стоит отметить, что книгу «Социология революции» в Америке восприняли скорее через призму Русской революции 1917 г., ставшей своеобразной «визитной карточкой» прибывшего осенью 1923 г. молодого ученого, вовлеченного в водоворот политической катастрофы и революционных потрясений на одном континенте, чудом спасшегося от расстрела и счастливо заброшенного волнами судьбы на другой континент — без языка, без семьи и друзей, без средств к жизни. В октябре 1923 г. П.А. Сорокин получил из США приглашение выступить в университетах Иллинойса и Висконсина с лекциями о Русской революции. Это приглашение вряд ли случайно. Именно в эти годы, начиная с 1918-го, в США набирают популярность социалистические идеи, растет рабочее и забастовочное движение, коммунистическая партия США привлекает в свои ряды все больше новых членов. Поэтому правительство поддерживает любые акции, направленные против прививки революционных идей обществу. Именно в эти годы в США была распространена антикоммунистическая идеология «красной угрозы», согласно которой Великая Октябрьская социалистическая революция⁸ 1917 г. может привести к победе коммунизма во всем мире [Ломоносова, 2017, с. 257]. Поэтому американские рецензии на книгу П.А. Сорокина были сфокусированы в основном на политическом и идеологическом аспектах этой работы.

Немецким рецензентам П.А. Сорокина тема революции оказалась интересной прежде всего с точки зрения веберовской идеально-типической методологии и его исторической социологии с постановкой вопроса об исторических альтернативах (а не общих законах, как у П.А. Сорокина). Об этом свидетельствуют рассмотренные рецензии (за исключением Х. Мойтер). Это не случайно: еще М. Вебер испытывал настоящий интерес к России как к стране в ситуации исторической альтернативы: присоединится ли она к европейскому пути развития или останется в традиционной православной культуре? Но именно М. Веберу не хватало исторической дистанции по отношению к Русской революции для ее объективной оценки (умер в 1920 г.). Его последователи — рецензенты П.А. Сорокина — уже имели таковую. Требование исторической дистанции по отношению к революции, прямо указанное в одной из рецензий, по-видимому, учтено П.А. Сорокиным в книге «Листки из русского дневника: Тридцать лет спустя» (1950). Следовательно, в этом и состоит один из моментов влияния на автора его немецких коллег-социологов.

Немецкие рецензии, несмотря на то что они были выполнены в основном с веберианских методологических позиций, значительно глубже и проникновеннее американских. В них не упущена из виду не только ограниченность коллективной рефлексологии для анализа исторического процесса, но и отмечена связь исследо-

⁸ Официальное название в советской историографии.

вания П.А. Сорокина с концепцией идеологии В. Парето — автора, идеи которого также не достаточны для изучения крупных исторических событий. Обращение к дискуссии в немецком социологическом сообществе относительно «Социологии революции» открывает новые возможности более детального осмысления не только научного творчества П.А. Сорокина, но и важных событий в становлении социологии.

Остается лишь констатировать, что с момента выхода в свет «Социологии революции» на немецком языке Питирим Сорокин стал восприниматься в Германии не просто как один из иностранных авторов, но как полноправный член социологического сообщества. Формально он таковым стал еще в 1923 г., вступив в Немецкое социологическое общество, но фактически приобрел авторитет и признание с 1928 г. как автор исследования революции, до сих пор значимого в немецкой социологии.

Литература

Гришечкина Г.Ю. Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: Автореф. дис. ... канд. филол. н. Орел, 2002. 23 с.

Давыдов Ю.Н. «Большой кризис» в теоретической эволюции П.А. Сорокина // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 111–117.

Дойков Ю.В. Питирим Сорокин в Праге. 1922–1923. Архангельск, 2009. 146 с.

Ломоносова М.В. Социология революции Питирима Сорокина // Вестник С.-Петербур. ун-та. Сер.: Социология. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 251–268.

Мертон Р. Питирим Александрович Сорокин — корифей социологической мысли XX в. // Питирим Александрович Сорокин / Под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 140–152.

Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с.

Сорокин П.А. Социология революции / Сост., авт. коммент. В.В. Сапов; авт. вступ. ст. А.Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. 551 с.

Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 377–398.

Bubnoff von N. “Die Soziologie der Revolution“ by Pitirim Sorokin, Hans Kasspohl Rezension // Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft = Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1928. Bd. 85. No. 2. S. 387–391.

Hagemann H., Krohn C.-D. (Hg.) Biographisches Handbuch der deutschsprachigen wirtschaftswissenschaftlichen Emigration nach 1933. München: De Gruyter, 1999. S. 290–291.

Jenny E. Sorokin P. Die Soziologie der Revolution. Ins deutsche übersetzt von Dr. Hans Kasspohl. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1928 // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1929. Jg. 5. H. 1. S. 77–79.

Kasspohl H. Einleitung zur deutschen Ausgabe // Sorokin P. Die Soziologie der Revolution. Ins Dt. übertragen und mit einer Einl. versehen von H. Kasspohl. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1928. S. 7–30.

Meusel A. Sorokin P. Soziologie der Revolution: Rezension // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1928. Bd. 60. S. 206–210.

Sorokin P. Die Soziologie der Revolution. Ins Dt. übertragen und mit einer Einl. versehen von H. Kasspohl. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1928. 360 S.

The German Edition of *The Sociology of Revolution* (1928) by Pitirim A. Sorokin and the Professional Perception of This Book in the German Sociological Community

NIKOLAY A. GOLOVIN

Saint-Petersburg State University,
St Petersburg, Russia
e-mail: n.golovin@spbu.ru

MARINA V. LOMONOSOVA

Saint-Petersburg State University,
St Petersburg, Russia.
e-mail: nm.lomonosova@spbu.ru; lomonosovamv@mail.ru

The response of the German sociological community to the German edition of P. Sorokin's *Sociology of Revolution* (1928) is a notable but unexplored fact in the history of sociology. This book was first criticized in Germany in a review by the famous Weimar sociologist Hanna Meuter (1889–1964) for its American edition (1925). Pitirim Sorokin supplemented the German edition with foreword where he addresses to readers. This contributed to the emergence of an interested professional discussion in the German sociological community about the methodology of researching the revolution. The article considers three journal reviews of Sorokin's book, written by sociologists of the Max Weber's methodological orientation: N. von Bubnoff, A. Meusel, E. Jenny, who expressed critical assessments that have theoretical and methodological significance. It is important to pay attention not only to the general assessment of the contribution of P. Sorokin to the formation of the sociology of revolution as a scientific direction, but also to show the remarks presented in each of the reviews. Thus, turning to the materials of the reviews shows how criticism deepens the analysis of the theoretical foundations of the research. It is proved that the critical remarks of German authors were considered by P. Sorokin in his second edition of the book *Leaves from a Russian Diary* (1950). In addition, the article provides arguments confirming that the German criticism of the methodology of the *Sociology of Revolution* became a factor that accelerated P. Sorokin's break with the theory of collective reflexology by V. Bekhterev in his further studies of the cultural dynamic of society. The article includes historical and biographical facts confirming the recognition of Pitirim Sorokin in the German sociological community as a theoretical scientist.

Keywords: Sociology of Revolution, History of Sociology, Methodology of Sociology, German Sociology, P.A. Sorokin, H. Meuter, F.A. Stepun, N.N. von Bubnoff, A. Meusel, E. Jenny.

Acknowledgments

The research was carried out with support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research grant no. 20-011-00451. The Authors are grateful to the head of the Social Science Archive Konstanz, Germany, Dr. Jochen Dreher, the Centre for German and European Studies, the project № 1, for the assistance in the material collection.

References

Bubnoff von, N. (1928). “Die Soziologie der Revolution” by Pitirim Sorokin, Hans Kasspohl Rezension, *Zeitschrift für die Gesamte Staatswissenschaft = Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 85 (2), 387–391 (in German).

Davydov, Yu. (1999). “*Bol'shoy krizis*” v teoreticheskoy evolyutsii P.A. Sorokina [“Great crisis” in the theoretical evolution of P.A. Sorokin], *Sotsiologicheskii Zhurnal*, no. 1–2, 111–117 (in Russian).

Doikov, Yu. (2009). *Pitirim Sorokin v Prage. 1922–1923* [Pitirim Sorokin in Prague. 1922–1923], Arkhangel'sk (in Russian).

Grishechkina, G. (2002). *Sootnosheniye faktorov zhanrovoy spetsifiki i predmetnoy oblasti teksta nauchnoy retsenzii: Avtoref. dis. ... kand. filol. n.* [Correlation between factors of genres specificity and subject area of the text in scientific review: Dissertation author's abstract], Orel (in Russian).

Hagemann, H., Krohn, C.-D. (Eds.) (1999). *Biographisches Handbuch der deutschsprachigen wirtschaftswissenschaftlichen Emigration nach 1933* [Biographical guide to the emigration of German-speaking economists after 1933], (pp. 290–291), Muenich: De Gruyter (in German).

Jenny, E. (1929). Sorokin P. Die Soziologie der Revolution. Ins deutsche Uebersetzt von Dr. Hans Kasspohl. Muenchen: J.F. Lehmanns Verlag, 1928. 360 p. [The sociology of revolution by Pitirim Sorokin. Translation in Germ. by Dr. Hans Kasspohl], *Zeitschrift für Voelkerpsychologie und Soziologie*, 5 (1), 77–79 (in German).

Kasspohl, H. (1928). *Einleitung zur deutschen Ausgabe* [Introduction to the German edition], in: *Sorokin P. Die Soziologie der Revolution. Ins Dt. übertragen und mit einer Einl. versehen von H. Kasspohl* [The Sociology of Revolution, Transl. in Germ. and Foreword by Dr. H. Kasspohl], (pp. 7–30), Munich: J.F. Lehmanns Publ., (in German).

Lomonosova, M. (2017). *Sotsiologiya revolyutsii Pitirima Sorokina* [Sociology of the Revolution by Pitirim Sorokin], *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Ser.: Sotsiologiya*, 10 (3), 251–268 (in Russian).

Merton, R. (2013). Pitirim Aleksandrovich Sorokin — korifej sotsiologicheskoy mysli XX veka [Pitirim Alexandrovich Sorokin: a giant of 20th century sociological thought], in *Pitirim Aleksandrovich Sorokin*, (pp. 140–152), Moskva: ROSSPEN (in Russian).

Meusel, A. (1928). Sorokin P. Soziologie der Revolution: Rezension [Sorokin P. The Sociology of Revolution: Review], *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 60, 206–210 (in German).

Sorokin, P. (1928). *Die Soziologie der Revolution. Ins Dt. uebertragen und mit einer Einl. versehen von H. Kasspohl* [The Sociology of Revolution, Transl. in Germ. and Foreword by Dr. H. Kasspohl], (pp. 7–30), Munich: J.F. Lehmanns Publ. (in German).

Sorokin, P. (2005). *Sotsiologiya revolyutsii* [The Sociology of Revolution], Moskva: ROSSPEN (in Russian).

Sorokin, P. (2015). *Listki iz russkogo dnevnika. Sotsiologiya revolyutsii* [Leaves from a Russian diary. Sociology of revolution], Syktyvkar: Anbur Publ. (in Russian).

Stepun, F. (2000). *Religioznyy smysl revolyutsii* [The religious meaning of the revolution], in: *Stepun F.A. Sochineniya* [Stepun F.A. Essays], (pp. 377–398), Moskva: ROSSPEN (in Russian).